PG 3337
.G8 M4

1842

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

МЕЧТЫ

и

ЗВУКИ ПОЭЗІИ.

GRUZINOV, I.

МЕЧТЫ

И

ЗВУКИ ПОЭЗІИ.

Іосифа Грузинова.

Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата.

А. Пушкинъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.
1842.

PG 3337
G8 M4
1842

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 18 дня, 1841 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

89-122840
E P 34
03-15-89

9295
126

МЕЧТЫ

И

ЗВУКИ ПОЭЗІИ.

Іосифа Грузинова.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1842.

Истинный поэтъ.

Воображеніе есть необходимая способность души нашей.

Кто изъ людей, когда либо, немечталъ о чемъ нибудь?

Сильное воображеніе составляетъ одно изъ необходимыхъ условій поэтическаго дара.

Поэтъ — знаменитость въ мірѣ духовномъ. Слово, которымъ онъ высказываетъ свои мысли и чувства, на нашемъ сердцѣ нарѣзываетъ не легко изглаживаемыя черты; — слово это, ограненное правильными формами стихосложенія, дѣлается еще краснорѣчивѣе.

Истинныхъ поэтовъ очень мало.

Но одного воображенія, чтобъ быть поэтомъ, недостаточно.

Авторъ, написавшій нѣсколько удачныхъ стиховъ, еще не имѣетъ права назваться поэтомъ: его произведенія только Звуки Поэзіи. Пускай даже нѣкоторые изъ этихъ стиховъ блестятъ новою мыслію и чувствомъ, но ежели не вся-

кой стихъ носитъ на себѣ отпечатокъ творчества, то созданье это не совершенно;—оно какъ бы не окончено : это только Мечты.

Потому-то я не осмѣливаюсь назвать себя поэтомъ; не осмѣливаюсь мои ничтожные труды назвать Поэзіей. Но эта книжка есть собраніе моихъ Мечтаній, облеченныхъ въ Звуки Поэзіи, въ стихи.

Хороши ли, дурны ли эти стихи, объ этомъ судить не могу. Жду безпристрастнаго приговора публики и добросовѣстныхъ рецензентовъ. Ежели я дѣлалъ ошибки, то въ будущихъ сочиненіяхъ постараюсь ихъ избѣгнуть.

Ежели же который нибудь изъ стиховъ моихъ зародитъ новую мысль, поможетъ выразить чувства невыразимыя, будетъ гармонировать, какимъ бы то ни было образомъ, съ чьей нибудь душой, я почту себя счастливымъ.

Можетъ быть этѣ надежды мои не сбыточны, но..... Homo sum.

МЕЧТЫ

и

ЗВУКИ ПОЭЗІИ.

II.

ЧАСЪ СУДА.

Вечерни отошли и колоколъ унылый
Уже послѣдній издалъ звукъ, благовѣстя.
За монастырскою оградою могилы
Сребрятся мѣсяцомъ. Потухла ужъ заря;
Но небо дивною красой своей блистало,
Ярчѣе звѣзды въ немъ горѣли и луна
Съ любовью на землю, казалося, взирала;
Какъ бы печальнѣе, грустнѣй была она.
А на Востокѣ тамъ зарница огневая,
Блестя, какъ будто бы отверзла небеса.

Страшна зарница та:—она огнемъ блистая,
Землѣ и гнѣвъ сулитъ, и Божьи чудеса.
Стоя предъ кельею, сѣдой монахъ дивится,
Взирая на нее.... Чу ! будто слышенъ стонъ!...
Перекрестясь, старикъ предъ образомъ молится
Идетъ за братію, людей; склонился онъ
Передъ иконой въ прахъ сѣдой своей главою;
Молитва съ вѣрою изъ устъ его течетъ,
И проситъ праведной за грѣшниковъ съ слезою,
И старцу Богъ Отецъ благословенье шлетъ.

II.

Не далеко ограды монастырской,
Какъ будто бы святыней охраненъ,
Одинъ стоитъ уютно домикъ низкой,
Деревьями кругомъ весь обсаженъ.
Огонь въ окнѣ его еще блистаетъ,
Въ немъ скромные еще жильцы не спятъ,
Малютку въ колыбели мать качаетъ
И взоры счастіемъ ея горятъ.
И вотъ супругъ подсѣлъ къ женѣ прекрасной;
Они съ любовью тихо рѣчь ведутъ;
Во взорахъ ихъ огонь блистаетъ страстной;
Заснула дочь и спать они идутъ.

III.

А тамъ вотъ оргія шумитъ,
Тамъ слышны крикъ и звуки пѣсенъ;
Веселье бурное кипитъ;
Обширной домъ для пира тѣсенъ;
Толпятся дѣвы молодыя;
Средь пляски бурно дышетъ грудь;
Ихъ грѣшны взоры огневые:
Лишь сладострастіе вдохнуть,
Лишь распалить воображенье
Способны взоры только тѣ.
И гости полны изступленья,
Забывъ о чувства чистотѣ,
Грѣху, веселью предаются.
Садомской грѣхъ, предъ ихъ грѣхомъ
Ничто .... вдругъ вопли раздаются....
Загрохоталъ небесный громъ!...

IV.

Проснулся міръ, все полно страху,
Но тихо все.—Вдругъ трубной звукъ
И ницъ главы склонились къ праху,
И сердце грѣшныхъ полно мукъ.

Вотъ онъ насталъ, нечаянной, нежданный,
Великой часъ суда насталъ;
О часъ, для праведныхъ желанный!
Въ немъ всякой мзду свою пріялъ.
Исполнился завѣтъ надъ міромъ:
Конецъ его преступныхъ дней.
И окруженный свѣтлымъ клиромъ,
Самъ Богъ предсталъ очамъ людей.

II.

Видала ль звѣзды ты, какъ на небѣ блистаютъ?
О! свѣтъ таинственный отраденъ ихъ!
Какъ будто въ свѣтѣ томъ намъ счастье обѣщаютъ?
Но звѣзды тѣ — не лучше глазъ твоихъ.

Ты чудный ароматъ въ себя вдыхала ль розы,
Цалуетъ солнца лучъ когда ее?
Или роса блеститъ на ней, какъ неба слезы?
Тотъ ароматъ — дыханіе твое.

Слыхала ль соловья, какъ онъ поетъ весною
Торжественно средь тишины ночной?
То счастьемъ полонъ онъ, то полонъ онъ тоскою?
Но сладостнѣй его мнѣ голосъ твой.

Куда ни погляжу вездѣ тебя встрѣчаю,
Съ тобой въ разлукѣ не разлученъ я,
И я за то судьбу свою благословляю,
Что для меня — въ тебѣ природа вся.

III.

КАКЪ ЭТО ЗНАТЬ.

Кто угадаетъ жребій свой?
Куда судьба его закинетъ?
Гдѣ встрѣтитъ часъ онъ роковой?
И кровь его когда остынетъ?
И чаще радость, иль печаль
Придетъ къ нему нежданно въ гости?
И на родной землѣ, иль вдаль
Свои въ могилу сложитъ кости?
Какъ это знать?...

Взгляните облако плыветъ,
Куда помчитъ его вѣтръ бурной?
И что въ себѣ оно несетъ,
Мелькая въ синевѣ лазурной?

Оно заплачетъ ли дождемъ,
Или туманомъ разлетится?
Иль Божій гнѣвъ, да Божій громъ
Въ далекомъ облакѣ таится?
Какъ это знать?...

IV.

Я не хотѣлъ бы лавромъ увѣнчаться,
Блистать величіемъ среди людей
И славою толпу дивить своей;
Но я бъ хотѣлъ съ тобой не разставаться.

И пѣсенъ даръ и даръ стихотворенья,
Другъ милый, навсегда готовъ отдать
За счастіе тебя лишь цѣловать —
То счастіе отраднѣй вдохновенья.

V.

СОЛНЦЕ И РОЗА.

Люди губятъ все, что любятъ.
Такъ ведется у людей.

Бенедиктовъ.

«Я люблю тебя, прекрасная!
«О! не кройся, другъ, въ тѣни;
«На меня съ улыбкой страстною,
«Милый другъ, скорѣй взгляни!
«И головку я твою
«Чуднымъ, свѣтлымъ, пурпуровымъ
«Вновь румянцемъ оболью,
«Чтобы въ блескѣ этомъ новомъ
«Ты раскошнѣй зацвѣла;
«И узнавши жизни сладость,
«Ароматнѣе была.
«Роза, другъ мой! роза радость!»

Такъ солнце розѣ говорило.
Прекрасна роза та была;
Казалось, счастіе садило
Ту розу, такъ она жила;
Роскошно, радостно цвѣла.
Послушавшись цвѣтовъ владыки,
Свою любовь ему дала;
И радъ былъ неба Царь великій....
Свѣтлѣй въ лазури заблистало....
Онъ приласкалъ ее лучемъ....
Но роза бѣдная увяла,
Спаленная его огнемъ.

VI.

ВЕЧЕРНЕЕ МОЛЕНІЕ.

Qu'il est doux de porter ses pas religieux
Dans le fond du vallon, vers ce temple rustique,
Dont la mousse a couvert le modeste portique,
Mais où le ciel encor parle à des cœurs pieux.

LAMARTINE.

Былъ жарокъ день, но солнце закатилось,
Взошла уже сребристая луна;
Прохладой вечера все оживилось
И вновь природа нѣгою полна.
Красавицы цвѣтовъ, заблагоухали
Раскошные кусты махровыхъ розъ
И пѣсни соловья вотъ зазвучали,
Полны, какъ будто бы любовныхъ грезъ.
Въ часъ вечера, отрадный и печальный,
Люблю одинъ, мечтая, я бродить.

И кончится всегда мой путь недальній
У храма Божьяго: — я тамъ молить
Привыкъ небеснаго Творца о милыхъ.
Въ тотъ вечеръ было мнѣ еще грустнѣй,
Была душа полнѣе чувствъ унылыхъ,
За тѣмъ, что только думалъ я объ ней.
Я предъ тобой, моленія обитель,
Склонился колѣна предъ тобой,
Шепталъ молитву я: «О Вседержитель!
«Средь горестей и бѣдъ защитникъ мой,
«Передъ Тобой душа моя не скрыта.
«Отецъ! Ты знаешь: — вся она любовь,
«Но сердце горестью облито!...
«Когда жъ, когда блеснетъ мнѣ счастье вновь?
«И жало скорби сокрушится?..
«Увижусь ли опять когда я съ ней,
«Чтобы вдвоемъ сильнѣй Тебѣ молиться, —
«Вдвоемъ благодарить Тебя живѣй....»

Къ Творцу простеръ я въ исступленьи руки
И имя милое я лепеталъ....
И вдругъ затихли сердца муки;
Казалось мнѣ, что Богъ моленью внялъ; —
Казалось мнѣ, что ярче звѣзды блещутъ,
Льютъ ароматъ душистѣе цвѣты

И листья радостью со мной трепещутъ,
И полонъ міръ со мной одной мечты.
Я вѣровалъ, окончатся страданья
И заключится вновь союзъ сердецъ,
Исполнятся, надежды, упованья . . . .
Мое моленіе пріялъ Творецъ.

VII.

Звонко трелитъ жаворонокъ,
Взвившись, рѣя въ вышинѣ,
Солнце ясно, воздухъ тонокъ,
Радъ цвѣтущей онъ веснѣ.
Онъ подругу выкликаетъ
Подъ лазурный неба сводъ,
Онъ свободно съ ней летаетъ,
Ей свободно онъ поетъ.
Мнѣ завидно птичкѣ вольной!
Нѣту крыльевъ у меня:
Въ градъ далекій, — въ градъ Престольной
Улетѣлъ отсюда бъ я!
Тамъ мнѣ много дорогаго, —
Тамъ семья моихъ друзей, —
Тамъ для сердца жизни много,
Тамъ душа души моей;

Тамъ средь жизни бы привольной
Стихъ могучъ и звученъ былъ ;
Тамъ въ бесѣдѣ бы застольной
За друзей пируя пилъ.
И горя живою страстью,
Ночь не сну бы отдалъ я,
Но любви и сладострастью
. . . . . .
О, какъ сладки эти грезы,
Но безъ крылъ въ изгнаньи я.
Полились рѣкою слезы,
Вновь со мной тоска моя.

VIII.

ПАДЕНІЕ ЗВѢЗДЫ.

Летитъ воздушная ракета,
Падучая звѣзда летитъ
И пламемъ будто вся одѣта,
На небѣ ясной слѣдъ чертитъ.
Быть можетъ умеръ въ то мгновенье
Одинъ изъ тысячи міровъ.
Исполнилось предназначенье:
Ему «конецъ!» рекъ Саваоѳъ.
Тожъ скоро можетъ быть услышитъ
И наша ветхая земля;
Она грѣхомъ однимъ лишь дышитъ
И Божій гнѣвъ удѣлъ ея;
И скоро можетъ быть промчится
Она, какъ этотъ метеоръ,
И какъ ему, ей подивится
Свѣтилъ небесныхъ чудной хоръ.

IX.

ТРИ КЛАДА.

Завѣтные есть у меня три клада,
Я клады тѣ храню въ душѣ своей;
При нихъ мнѣ злата, почестей не надо.
Да! — клады тѣ и жизни мнѣ милѣй.

Мой первый кладъ — воспоминанья.
Какъ часто тѣшусь ими я!
То полны счастья, то страданья,
Какъ жизнь кипучая моя;
Они, воскресшіе друзья,
Рѣчь заведутъ мнѣ про былое.
Тогда отраднѣе земля,
Тогда мнѣ сладостнѣй святое,
Тогда я плачу и молюся....
Такъ полонъ радости живой,

Что я съ судьбой своей мирюся ; —
Тогда завиденъ жребій мой.

Мой кладъ второй — надежд ою зовутъ ;
При ней въ душѣ гласъ горести нѣмѣетъ ;
Ей чувства всѣ и дышатъ и живутъ;
Тревожить ихъ отчаянье не смѣетъ.
Какихъ бы бѣдъ судьба мнѣ не дала,
Хоть рокъ гремѣлъ бы надъ моей главою
И тягостнѣй бъ еще хоть жизнь была,
Спокоенъ я, — надежды щитъ со мною !

Мой третій кладъ, мой лучшій кладъ,
Въ немъ все: и радость и мученье,
Въ душѣ съ нимъ горести кипятъ,
И въ немъ же сердца изцѣленье.
То рай онъ на землѣ даритъ,
То адской пыткою жжетъ кровь,
То вдругъ мечтами оживитъ.
Тотъ кладъ, сокровище — любовь !

Какъ счастливъ тотъ, кому любовь въ удѣлъ дана !
Пускай съ томленіемъ она сопряжена,

Пускай въ страданіяхъ ее замретъ душа; —
Но жизнь, — все счастіемъ полна и хороша,
Коль ярко освѣтитъ ее любовь собой.
Зову любовь къ себѣ, съ ней надъ моей главой
Восторга, счастія блеститъ вѣнецъ златой;
Отрадно съ нею все, свѣтло передо мной;
Съ ней пѣсни звучныя, съ ней сладкія мечты;
Любовь! всему конецъ, всему начало ты.

X.

НЕСРАВНЕННАЯ.

Восторженъ вновь любовью я,
Но пѣть любви моей не смѣю,
Хоть вдохновеньемъ у меня
Душа полна; но я робѣю
Мой гласъ возвысить передъ той,
Кто жизнь моя лишь въ здѣшнемъ мірѣ,
Къ кому лечу всегда мечтой,
Кого хотѣлъ бы пѣть на лирѣ.
Не смѣю я, — она святѣй
И вдохновенія и пѣсенъ;
Ихъ во сто разъ она милѣй.
Воздушный міръ мечты ей тѣсенъ,
Она возвышеннѣй его,
Она чистѣй благоуханья,
О идолъ сердца моего!
Какое дать тебѣ названье?

Однимъ бы словомъ я сказать
Хотѣлъ: моей ты жизни радость!
Все за тебя готовъ отдать:
Смерть за тебя,— не смерть,— а сладость.
Тобой одною восхищенной,
Твоей душою и красой,
Зову тебя я *несравненной* —
Тебѣ призывъ понятенъ мой.

XII.

СОНЕТЪ.

Какъ часто, очарованный тобой,
Стою не движимъ я, весь созерцанье;
Отраднѣй музыки мнѣ голосъ твой,
И ароматнѣе цвѣтовъ дыханье.

Ужели взоръ любви не внятенъ мой?
Ужель не поняла мое страданье?
И долженъ ли горячею мольбой
Твое я пробудить къ себѣ вниманье?

Но будетъ тщетно все: отвергла ты,
Я вѣдаю, поклонниковъ моленье.
Такъ идолу, творенью суеты,
Язычники вотще кадятъ куренье.
Какъ богъ не истинной, а богъ мечты,
Душѣ ни чьей не дастъ онъ изцѣленья.

XII.

ДВА ВЕЧЕРА.

Я видѣлъ, день окончавался,
Садилось солнышко средь тучъ;
А громъ по небу раздавался
Ужасенъ, ярокъ и могучъ.
Какъ Ангела труба, тотъ громъ
Былъ страшенъ; молніи живыя,
Какъ страсти въ буйномъ сердцѣ, зломъ,
Блистали грозно огневыя.
Темнѣлъ лазурный небосводъ,
Какъ взоръ преступника темнѣетъ,
Когда часъ смерти настаетъ
И онъ надѣяться не смѣетъ.
О! дня ужасенъ былъ закатъ,
Смерть грѣшника ему сравненье;
Бѣжалъ по сердцу страхъ и хладъ
И замерло въ устахъ моленье.

И помню вечеръ я другой,
Какъ солнце чисто закатилось,
Слилось съ вечернею зарей
И радостно съ землей простилось.
Осиротевшая земля
Благоуханіемъ кадила
И солнце пѣсня соловья,
Восторженно гремя, хвалила.
Торжественъ закатъ былъ дня:
Съ нимъ звонъ колоколовъ сливался,
Ко всенощной благовѣстя,
И хоръ моленій раздавался.
Такъ умираетъ мужъ святой
Съ раскаяньемъ, благоговѣньемъ,
Къ Творцу паря своей душой
За праведнымъ вознагражденьемъ.

XIII.

КЪ В: В: и К: Ч:

Я не забылъ былыхъ моихъ мученій.
Они пришли, — ихъ вѣдаю опять
И вновь средь горькихъ слезъ, среди моленій,
Я сердце должно утишать.

Любви гроза меня застигла снова,
Волнуетъ кровь, мой помрачаетъ умъ
И той любви и мысль моя, и слово....
Да! вновь любви я полонъ думъ.

И что-жъ? кого люблю, назвать не смѣю, —
Не смѣю ей любви моей сказать
И предъ друзьями долженъ и умѣю
То имя милое скрывать.

Я весь волненіе, я весь тревога,
Вы видите люблю кого–то я.
Не вѣдаетъ кого, и кромѣ Бога
Никто; лишь знаетъ Онъ, да я.

Зарница, такъ въ ночь лѣтнюю играя,
Блеститъ огнемъ и васъ дивитъ она.
Вдругъ свѣтъ, вдругъ молнія живая
Творца рукою зажжена.

Отколь она, отколѣ то явленье?
То знаетъ Богъ, но не извѣстно намъ.
Такъ и любовь моя, мое мученье,
Къ кому? о комъ? — не вѣдать вамъ.

Да! я умру и тайна роковая
Изъ устъ моихъ во вѣкъ не излетитъ;
Ее могила ждетъ со мной нѣмая;
Земля-жъ, какъ я, всегда молчитъ.

XIV.

КЪ . . . . . ВОЙ.

Вотще хочу хвалить я васъ,
Вотще зову къ себѣ свой геній:
Безсиленъ онъ и слабъ мой гласъ,
Объ васъ, для васъ нѣтъ пѣснопѣній.
Они ничтожны передъ вами;
Вашъ описать чудесный взоръ,
Скажите, можно ли стихами?
А этотъ дивный разговоръ,
Весь полный чувства, увлеченья?
И сердце полное любви?
Души предъ вѣрой умиленье?
Какъ вы небесны на земли?
Какъ вамъ дивлюся я! Не смѣю
Того я рѣчью передать;
Но съ вами, вѣрьте, я умѣю:
Молиться, плакать и страдать.

XV.

(ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО).

Когда склонясь ко мнѣ челомъ,
Ты мнѣ даришь свое лобзанье,
Я въ упоеніи нѣмомъ,
Пью ароматное дыханье.

Когда «люблю» мнѣ шепчешь ты,
Сгарая вся огнемъ желанья,
Увѣнчаны мои мечты
И жизнь моя — очарованье!

Когда съ тобой соединясь,
Я жизнь земную протекаю,
И чувствами на вѣкъ сроднясь,
Скорбей не вѣдаю, не знаю.

Тогда я смѣло говорю:
Теките годы безъ возврата,
Живой любовью я горю,
Отъ васъ не будетъ ей утраты.

Та пламеннѣй любовь, сильнѣй,
Чѣмъ ваше мощное забвенье;
И болѣе въ душѣ моей
Огня, чѣмъ праху въ васъ и тлѣнья.

XVI.

Мнѣ говорятъ она прекрасна!
Но вмѣсто сердца, ледъ у ней;
Она любить не можетъ страстно,
Безстрастенъ взглядъ ея очей.
Мнѣ говорятъ, что трудъ напрасной
Ее вниманье заслужить,
Что будто съ куклою прекрасной
Ее вы можете сравнить.
Не вѣрю я, друзья, не вѣрю!
Въ ее глазахъ я вижу умъ
И съ куклою сравнить не смѣю,
Я за порывы свѣтлыхъ думъ.
Она ничтожныхъ душъ не любитъ,
Сравнится-жъ кто съ ея душой,
Тотъ въ сердцѣ жаръ любви пробудитъ,
Владѣть тотъ будетъ красотой.

Не осуждая, оцѣните
Себя впередъ, мои друзья,
И послѣ строго присудите,
Вы взора стоите–ль ея? .!

XVII.

МОЛИСЬ.

Молись! молись, мое дитя!
Да снидетъ Божья благодать
И осѣнитъ собой тебя.
Не дастъ тебѣ, мой другъ, страдать.
Молись! молись, мое дитя!

Молись всегда, молись вездѣ,
Молись, коль жизнь твоя свѣтла.
Молитвой укрѣпись въ бѣдѣ;
Молитва грѣшника спасла.
Молись всегда, молись вездѣ!

Молись! Творецъ благословитъ;
И всѣмъ прощай, какъ Онъ простилъ.
Люби! молись! — Онъ все живитъ, —
Онъ грѣхъ страданьемъ искупилъ.
Молись! Творецъ благословитъ.

XVIII.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

« Какъ грустно для тебя, цвѣтокъ!
Одинъ на грядкѣ ты остался,
Одинъ отъ хлада не поблекъ,
Гдѣ цѣлый родъ вашъ красовался.
Еще смерть не таишь въ себѣ,
А видъ печаленъ твой, какъ мертвой? »
Цвѣтокъ въ отвѣтъ : « своей судьбѣ
Себя готовъ отдать я жертвой.
Жизнь одинокая грустна,
Прощай сказалъ своимъ кто милымъ.
Я радъ, что смертъ моя близка,
Я счастьемъ веселюсь могильнымъ.»

XIX.

Вокругъ слова веселья раздовались,
И хоръ гремѣлъ, и кубокъ шелъ съ виномъ.
Ко мнѣ друзья съ вопросомъ обращались,
«Что грустенъ ты и съ пасмурнымъ челомъ?
«Взгляни на насъ, какъ вольно жизнь и младость
«Съ шампанскимъ мы шутя соединили!
«Пей, другъ задумчивый, пей! боги радость,
«Повѣрь, вотъ здѣсь въ стаканѣ заключили.

Я слушалъ ихъ, я пилъ; но токъ вина
Не прояснялъ мой взоръ. Душа скорбна
По прежнему; и сердце все болитъ,
Воспоминанія все жгутъ его;
И горькихъ ихъ тотъ пиръ не заглушитъ,
Тоску съ чела не сгонитъ моего.

Но если-бъ сжалилась ко мнѣ судьба,
Я-бъ могъ сказать «моя» — той незабвенной,
Кого я больше всѣхъ люблю въ вселенной ;
Друзья! тогда не надобно-бъ вина.
И безъ него-бъ вся кровь моя горѣла
И сильно билось сердце у меня,
И безъ него-бъ душа въ восторгѣ млѣла
И упоенъ бы радостью былъ я.
Пируйте же, веселыя друзья!
Пусть хоръ гремитъ, вино въ стаканы льется!
Молю, не сѣтуйте вы на меня,
Что на пиру вашъ другъ не улыбнется.

XX.

ПРІѢЗДЪ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.

Пушкинъ.

Ночь. Колокольчикъ зазвѣнѣлъ
Вдали за рѣчкой, на лугу.
Уже я спать идти хотѣлъ,
И предъ иконой, что въ углу,
Молился съ жаркими слезами,
Чтобы хоть разъ еще взглянуть
Своими грѣшными глазами
На ту, чье имя помянуть
Я только смѣю передъ Богомъ.
Вдругъ колокольчикъ на дворѣ

Звѣнитъ и за порогомъ,
Уже не чудится ли мнѣ ?
Но нѣтъ! стоитъ она, она, –
О комъ сей часъ лишь я молился
И кѣмъ душа моя полна.
Ужель съ судьбой я примирился ?
Ужель ? . . . и я ее прижалъ
Къ себѣ дражащими руками,
Одно лишь имя лепеталъ,
А говорилъ я съ ней глазами
И взоръ ея языкъ тотъ понялъ. . . .
. . . . . .
Но вдругъ очнулся я отъ сна:
Гляжу, во снѣ подушку обнялъ,
Ее безумно цаловалъ
И рѣчи ей любви шепталъ ! . . .

XXI.

КЪ .... ОЙ.

Была пора, игралъ мечтами ;
Я вольно сердцемъ только жилъ;
Моей красавицы стихами
Глаза восторженно хвалилъ.
И звучны были пѣснопѣнья,
Какъ звучны пѣсни соловья,
Могучи, свѣтлы вдохновенья
Отрадны были для меня.

Но та пора прошла уже давно, давно !
Съ мечтами радости давно ужъ я простился,
И сердце холодомъ мое облечено,
И съ безнадежностью ужъ я давно сроднился.

Но и теперь когда я съ вами
Сижу одинъ въ вечерній часъ,

Любуюсь чудными глазами
И молча, слушаю я васъ,
Я вновь въ восторгѣ въ упоеньи,
Забылъ обычную печаль,
И полонъ думъ въ самозабвеньи,
И мнѣ разстаться съ вами жаль.

Такъ узникъ, запертой давно уже въ темницѣ,
Вдругъ видитъ солнца свѣтъ и въ восхищеньи онъ
Забылъ страданія, пускай тотъ лучь денницы
Блеснетъ на мигъ, все былъ онъ счастьемъ упоенъ.

XXII.

Какъ часто, часто сердце бьется
Невыразимою тоской;
То безнадежностью нальется
И гонитъ прочь души покой;
То умъ сомнѣнія тревожатъ;
То сожигаетъ ревность кровь,
Или раскаяніе гложетъ,
Прошедшимъ муча сердце вновь.
Тогда молиться я не смѣю: —
Молитва будетъ не свята.
За чѣмъ я плакать не умѣю!
Душа моя была-бъ чиста;
Ее омылъ бы я слезами,
Я грусть бы ими облегчилъ
И вдохновенными мечтами
Я вновь себя бы осѣнилъ.

XXIII.

КЪ ЧЕРНОМУ ЛОКОНУ.

Ты плѣнникъ мой, о локонъ черной!
Ты драгоцѣненъ для меня.
Какъ часто красотою темной
Любуюсь, другъ, твоею я.
Всегда при мнѣ, всегда со мной,
Въ тебѣ всегда очарованье
И сочеталося съ тобой
О лучшихъ дняхъ воспоминанье.
Ты памятникъ любви безумной,
Ты памятникъ отрадъ и мукъ,
Ты памятникъ бесѣды чудной,
Когда она, мой дивный другъ,
Со мной судьбу соединила,
Себя на вѣкъ мнѣ отдала
И локонъ черной отъ чела
Въ залогъ любви мнѣ подарила.

Ты былъ свидѣтель увѣреній, —
Ты клятвъ любви свидѣтель былъ....
Когда-жъ настанетъ часъ мученій,
Увѣрюсь я, что ей не милъ,
Тогда тебя нѣмымъ укоромъ
Я черной локонъ покажу,
Безъ пѣнь, безъ словъ, коварнымъ взоромъ,
Блеснувъ тобой, упрекъ скажу.
Но если до конца всей жизни
Мнѣ отдала она себя,
Залогъ любви, — не укоризны,
Я локонъ сохраню тебя.
Ты сердца язвы уврачуешь,
Въ часъ смерти, счастьемъ мнѣ мелькнешь,
И даже праху радость будешь,
Ты локонъ въ гробъ со мной сойдешь.

XXIV.

ЭПИГРАММЫ.

Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду.

Грибоѣдовъ.

1.

На бракъ, какъ на могилу счастья,
Глядитъ мамзель де Пикъ;
И къ новобрачнымъ всѣмъ полна участья,
Горюетъ жалостно объ нихъ.
Да, въ самомъ дѣлѣ тяжело!
Какъ ей не плакать, не крушиться?
Мужчины варвары, — ихъ сердце очень зло, —
Изъ нихъ никто — не думаетъ на ней жениться!

2

«По службѣ занятъ сильно я дѣлами,
Съ утра до вечера покою нѣтъ,
Я ночь не сплю, ложусь какъ утромъ станетъ свѣтъ.»
Мнѣ Пустодѣловъ говорилъ почти съ слезами.
И знаю я, и всякой знаетъ,
Онъ утромъ спитъ, а ночью козыряетъ.

3.

Княжна Меланія, я слышелъ, въ бракъ вступаетъ;
И удивленъ я этою молвой:
Давно ей пятдесятъ, — про это всякой знаетъ, —
Да! — въ черта будешь вѣрить всей душой.

4.

Чудихинъ, — агрономъ на славу!
Не такъ какъ мы, и сѣетъ онъ, и жнетъ;
Онъ коситъ два раза отаву
И хлѣбъ на корнѣ продаетъ.

5.

Я счастлива любовію твоей,
Вчера мнѣ Саша говорила.

Проказница шалила :
Въ любви давно никто не вѣритъ ей.

6.

N. N. мнѣ говорилъ : совсѣмъ я сбился съ ногъ!
Повѣришь ли? совсѣмъ, мой другъ, лишился сна.»
И вправду бѣдной онъ въ заботахъ изнемогъ!
Подумайте! — онъ въ клубѣ старшина!!...

XXV.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

Портретъ 1.

Она страданье и терпѣнье!
И твердо, твердо вѣрю я,
Что съ ней Творца благословенье,
Что ей не родина земля.
Она полна высокихъ думъ,
Святыхъ любви, надежды, вѣры;
Въ ней состраданіе безъ мѣры
И у нее по сердцу умъ.

Портретъ 2.

Она живетъ воспоминаньемъ
Своей счастливой старины;

Теперь же дни ее страданьемъ
И горемъ старости полны.
Теперь она — одинъ *обломокъ:*
Ей слишкомъ, слишкомъ сорокъ лѣтъ!
Завялъ весны ея ужъ цвѣтъ,
А сердцемъ все еще ребенокъ.

Портреръ 3.

Какъ горный снѣгъ, она бѣла,
И величава, какъ царица;
Какъ друга поцалуй, мила
И вѣрно граціямъ сестрица.
Тихъ разговоръ ея рѣчей.
Ея бесѣды не забудешь
И долго, долго помнить будешь
Невинной блескъ ея очей.

Портретъ 4.

Онъ самъ въ стихахъ портретъ свой пишетъ,
Самъ похвалой себѣ кадитъ,
Онъ самолюбьемъ только дышетъ
И о себѣ лишь говоритъ.

Онъ очень маложавъ лицомъ,
Но сердцемъ старъ: — въ томъ сердцѣ холодъ,
И не глядя на то, что молодъ,
Прослылъ давнишнимъ хитрецомъ.

Портретъ 5.

Какъ на пиру поэтъ, одна,
Забывшися, стихи читаетъ,
И грудь восторгомъ зажжена,
И сердцемъ чувство понимаетъ.
Но часъ прошелъ — и вотъ она
За картами, и не мечтаетъ.
Души въ ней жизнь подавлена,
И козырей она считаетъ.

Портретъ 6.

Какъ бабочка, она порхаетъ,
Свои забыла сорокъ лѣтъ;
И свѣжести хотя въ ней нѣтъ,
Она все шейку обнажаетъ.
Нипоной вѣчно убрана,
Ото всего она краснѣетъ,

И многое хоть разумѣетъ,
А смотритъ дѣвочкой она.

Портретъ 7.

Не Итальянка-ль предо мной?
Какіе очи огнѣвыя!
Какой блистаютъ бѣлизной
У дѣвы плечи пуховыя!
У ней поэзія во взорѣ.
Какъ часто я дивлюся въ ней
Уму въ ничтожномъ разговорѣ
И осторожности рѣчей.

Портретъ 8.

Мила она, какъ дикая природа;
Не вычуренъ и простъ ея нарядъ;
Глаза блестятъ, какъ звѣзды небосвода,
Пророчатъ счастье и любовь сулятъ.
Не въ шумѣ бала и не въ блескѣ свѣта,
Мила она, красавица моя:
Въ оцѣнкѣ чувства и стиха поэта
Видна прекрасная душа ея.

Портретъ 9.

Онъ новый Геркулесъ сложеньемъ;
Трактирный житель и буянъ;
Извѣстенъ буйнымъ поведеньемъ;
И точно *Рощинъ* атаманъ,
Готовъ идти на бой кулачной
И дерзость дракой подтвердить;
И женщину, лицемъ онъ страшной,
Испугомъ можетъ уморить.

Портретъ 10.

Она восточная зарница,
Она прекрасная луна,
Она межъ дѣвъ — ихъ царь дѣвица,
Сама поэзія она!
Когда-жъ поетъ — душѣ отрада!
И скажешь по неволѣ: ей
Другаго имени не надо,
Какъ нашъ Московской соловей.

Портретъ 11.

Онъ не служитъ, — онъ въ отставкѣ,
Точно матушкинъ сынокъ.

Справся-жъ только, — такъ по справкѣ
У него карманъ легокъ.
Онъ лишь бредитъ контрадансомъ,
А женатъ уже шесть лѣтъ.
Онъ лишь занятъ преферансомъ,
Объ дѣтяхъ заботы нѣтъ.

XXVI.

ПРЕДЧУВСТВІЕ ЗИМЫ.

Ту! клекотъ слышенъ журавлей;
Они летятъ на Югъ станицей;
Дождливѣй стало, холоднѣй;
По небу темной веренцей,
Плывутъ сѣдыя облака.
Я лѣто съ грустью провожаю;
Зима близка! зима близка!
Унылый, часто повторяю. —
Я не люблю зимы морозной:
Она въ ледъ рѣчку закуетъ,
Зимою громъ замолкнетъ грозной
И молнья змѣйкой не мелькнетъ.
А я люблю грозу природы,
За тѣмъ, что въ сердцѣ у меня
Всегда гроза и непогоды,
И разрушеньемъ веселъ я.

Я бурную волну люблю:
Какъ жизнь тревожна и она.
Да! — съ грустью на зиму смотрю:
О смерти дума съ ней сопряжена.

XXVII.

КЪ АЛИНѢ.

Беруся трепетной рукой
Я за перо, писать посланье;
И начинаю я слезой
Бесѣду полную страданья.
Мнѣ какъ-то счастья лучъ мелькнулъ,
Жизнь оживилъ мнѣ, благодатный;
И я отъ горя отдохнулъ,
Забылся я мечтой пріятной. —
То было счастіе отъ васъ, —
Отъ васъ, мой другъ, моя царица,
И я молился каждый часъ
За васъ прекрасная дѣвица.

Тогда мнѣ радость лишь была,
Когда смотрѣлъ тебѣ я въ очи.

Какъ дивно ты была мила!
Алина! помнишь счастья ночи?
Завѣтное «люблю» я слышалъ
И я въ восторгѣ трепеталъ,
Судьбы мнѣ счастья жребій вышелъ
И я судьбу благословлялъ;
Но рокомъ радость мнѣ дана
На долго ли была земная?.
Вновь горемъ жизнь поражена!
И сердцемъ, снова замирая,
Алина! — я у вашихъ ногъ.
Опять молю любви бывалой;
Отвергнутъ вами, — изнемогъ.
Быть можетъ голосъ одичалой
Не тронетъ васъ, — и вы опять
Ждать будете моихъ моленій,
Чтобы ихъ снова отвергать;
Вновь слушать просьбы, слушать пени.
Но какъ ни тяжко, мнѣ Алина,
Послѣдній разъ я къ вамъ пишу.
Я не забылъ, что я мужчина,
Я не моля, любви прошу;
Жестоко, сильно я страдаю, —
Но горе вынести могу,
И какъ душою увядаю,
Не покажу вамъ, какъ врагу.

Теперь осталось въ вашей волѣ
Мнѣ счастье дать, или не дать;
Отъ васъ своей рѣшенья доли
Я терпѣливо буду ждать.

XXVIII.

ОСЕННІЙ ВЕЧЕРЪ.

Когда осенній вѣтеръ воетъ,
Да дождь стучитъ въ мое окно,
Ночь на дворѣ уже давно
И не погода въ домъ загонитъ,
А сонъ спокоитъ всѣхъ людей, —
Тогда фонтазіи тѣснятся,
Былыя чувства пробудятся
И новый міръ въ душѣ моей.
Любви прошедшихъ, свѣтлыхъ дней
Она полна воспоминаній;
Въ ней цѣлый адъ былыхъ страданій:
Но этотъ адъ отраденъ ей.
Очамъ, въ тѣ грустные часы,
Мечта той образъ представляетъ,
По комъ душа моя страдаетъ;
Прелестный образъ злой красы,

Ея младую роскошь плечь
И кудри черныя и очи,
Лобзанья сладкія средь ночи
И упоительную рѣчь;
Разлуки поцалуй печальный
И токи слезъ, пожатья рукъ,
Среди ужасныхъ сердца мукъ,
И часъ надежды погребальной.

Но слезы высохли ея,
И ей забыты въ отдаленьи
Любви обѣты и моленья,
И сердце бѣдное мое.

Она забыла? что-жъ! Богъ съ ней!
Блаженства на землѣ не много;
Кто счастливъ былъ, хотя не долго, —
Тотъ на судьбу роптать не смѣй!..

XXIX.

ОЧИ.

(Романсъ П. А. М. . . . вой).

Я знаю очи. — Очи тѣ
Темны, какъ ночь, какъ день огняны,
Какъ дождь землѣ, отрадны мнѣ
И сердца мнѣ врачуютъ раны.

На нихъ смотрю — не насмотрюся;
Живу въ прошедшемъ ими я,
И въ тѣхъ очахъ вся жизнь моя.
И тѣмъ очамъ лишь я дивлюся.

На нихъ взгляну — и живъ душою;
Безъ нихъ — я круглый сирота; —
При нихъ — мнѣ жизнь свѣтла, чиста;
Безъ нихъ — мнѣ все грозитъ бѣдою.

За очи тѣ готовъ отдать
Мое я счастіе и младость ;
А за блаженство цаловать , —
Земную жизнь, земную радость.

XXX.

МУЗЫКА ВО СНѢ.

Вчера заснулъ лишь только я,
И дивные вдругъ слышу звуки;
Затрепетала грудь моя,
Мои замолкли сердца муки.
Аккорды арфы льются, скачутъ,
Какъ Божій громъ, гремятъ вдали,
Вотъ въ сердцѣ радостью легли
И мелодически заплачутъ.

Судьба! скажи за чѣмъ страдальцу звуки
И съ музыкой ты сонъ ниспослала?
Уже–ль, суровая, ты низошла
Къ нему — и тѣмъ врачуешь сердца муки?
Прочь! радость и въ мечтѣ мнѣ тяжела.
Она мнѣ не къ лицу, къ ней не привыкъ;

Аккорды тѣ — то счастія языкъ
И ихъ душа во снѣ не поняла.

Когда–жъ, красавица, явишься ты
И музыку безъ музыки навѣешь,
Я счастіе пойму; мои мечты
Ты грустныя, тяжелыя разсѣешь;
Передъ тобой, склонясь своей главою,
И не во снѣ блаженъ, а на яву
Благословеніе я призову
Тебѣ небесъ, горячею мольбою.

XXXI.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Воспоминанія! — они,
То сердце оживятъ, то гложутъ.
Въ умѣ мелькнутъ и счастья дни
И радость на сердце положутъ;
Но чаще горе мнѣ былое
На умъ приходитъ; и тогда
Защемитъ сердце ретивое,
Изъ глазъ покатится слеза.
Тогда съ молитвой и терпѣньемъ
Я Бога силъ къ себѣ зову;
И съ покаяньемъ и смиреньемъ
Предъ Нимъ клоню свою главу:
Да утвердитъ меня Онъ вѣрой,
Надеждой скорби утишитъ,
Своей любовію безмѣрной
Земную жизнь мнѣ облегчитъ.

XXXII.

ТЩЕТНОЕ ОЖИДАНІЕ.

Придетъ–ли другъ желанный мой?
Мои свершатся–ль упованья?
И получу–ли я лобзанья
Моей красавицы младой?
Съ ней улечу–ль въ восторговъ міръ?
Забуду–ль все земное съ нею?
И назову–ль вполнѣ моею
Я сердца моего кумиръ?

Предчувствую, она придетъ,—
Придетъ въ покой уединенный,
Гдѣ другъ ея страдаетъ бѣдный.
Къ груди счастливаго прижметъ;
Желанья вспыхнувъ вся огнемъ,
Меня въ восторгѣ зацалуетъ;

Любви словами зачаруетъ.
Съ ней въ упоеніи замремъ!....

Но ночь проходитъ; день блеститъ.
Всѣ тщетны были ожиданья!
Вновь горе мнѣ, а не лобзанья
Вновь сердце бѣдное болитъ.

XXXIII.

ИМПРОВИЗАТОРЪ.

(Сонетъ).

Онъ дивное Предвѣчнаго созданье:
Въ его душѣ всегда огонь горитъ
Поэзіи; всѣ радости, страданья
Земныя въ сердцѣ онъ своемъ хранитъ.
Онъ чувствуетъ всѣ тайны мірозданья,
Онъ самъ себѣ средь міра—міръ творитъ,
Про свой и этотъ міръ сказанья
Онъ звучнымъ, мѣрнымъ словомъ говоритъ.

Торгашъ своей онъ мысли вдохновенной,
За золото восторги продаетъ,

Поденщикъ, рабъ и геній вдохновенной,
Сквозь слезы онъ веселіе поетъ.
И кликами, и славой упоенный,
Сердечныхъ мукъ тяжелый крестъ несетъ.

XXXIV.

КЪ П.....

Не вѣрю я, чтобъ ты родилась
Подъ небомъ родины моей.
Не Русская земля гордилась
Красою дивною твоей.
Твои, не нашихъ дѣвъ льняные,
Власы и длинны и темны;
Глаза не томно-голубые,
Хотя въ нихъ рай; — они черны,
Они горятъ любовью страстной,
Какъ у Гречанки молодой,
И обликъ твой, мой другъ прекрасной,
Востока обликъ огневой;
И вѣетъ мускусомъ дыханье;
Движенья — газели живой;
Раскошное очарованье!
Твоя любовь — Азіиской зной!

Пронзительны твои лобзанья!
Какъ долго на устахъ моихъ
Горятъ они; и обаянья
Я полнъ отъ прелестей твоихъ.
Какъ Русской, — я тобой горжуся;
Какъ твой любовникъ, — счастливъ я;
Я какъ поклонникъ твой, — дивлюся
И чту высоко я тебя.

XXXV.

КЪ Е. А. БЕНЕДИКТОВОЙ.

Есть встрѣчи чудныя, — такія есть свиданья,
Что въ нихъ грядущаго судьба заключена.
Невыразимое въ нихъ есть очарованье!
Въ нихъ воля Божія для насъ вполнѣ видна.
Коль встрѣтимъ существо чудесной доброты,
Передъ которымъ все небесное святѣе,
Чьи тихи помыслы, восторженны мечты,
Безъ ропота печаль и радости свѣтлѣе,
Любовью дышетъ кто, кто вѣрою живетъ,
Надежда чья тверда и вѣкъ не сокрушится, —
О, тотъ къ прекрасному невольно увлечетъ
И сердце оживитъ, когда душа томится.

Я встрѣтилъ васъ, тому ужъ много, много лѣтъ;
Обоимъ намъ еще судьба была загадкой,

Обоимъ не знакомъ намъ былъ холодный свѣтъ:
Казалось, принималъ онъ насъ съ такою лаской,
Такъ много намъ сулилъ, привѣтно улыбался,
Свои коварныя объятья простиралъ.
И мы не вѣдали, — надъ нами онъ смѣялся
И насъ неопытныхъ онъ въ жертву обрекалъ.

Но что-жъ? прошло не много дней
И мы грозу судьбы узнали,
Узнали опытомъ людей
И сердца тяжкія печали.

Я духомъ палъ въ борьбѣ съ моей судьбою,
Я какъ дитя и плакалъ и ропталъ.
Для васъ-же путеводною звѣздою,
Средь бѣдъ, могучій вѣры лучъ сіялъ.
И вы вся кротость дивная, терпѣнье,
Свой крестъ безъ слезъ, съ улыбкою несли;
Вы вѣдали, въ страданьи есть спасенье
И кратокъ путь нашъ, знали, на земли.

Глядя на васъ, я устыдился
Ничтожества своей души;
Какъ вы, надеждой укрѣпился
И я, какъ вы, страдалъ въ тиши.

Съ молитвой легче сердцу стало,
Меня духъ вѣры осѣнилъ,
Отчаянье на вѣкъ бѣжало,
И я вполнѣ васъ оцѣнилъ.
И часто, часто умиренный,
Съ любовью я на васъ смотрю,
И дружбою къ вамъ увлеченный,
Себѣ я тайно говорю:

Есть встрѣчи чудныя, — такія есть свиданья,
Что въ нихъ грядущаго судьба заключена ;
Невыразимое въ нихъ есть очарованье! —
Въ нихъ воля Божія для насъ вполнѣ видна.

XXXVI.

КЪ Е. С. Г-ДЪ.

О! сердцу нанесенъ ударъ жестокой!
Ты слезы льешь и тайно ты грустишь;
Хотя тебѣ завидно черноокой,
Но ты горда; хоть больно, — ты молчишь,
Съ улыбкою ее ты, — поздравляешь.
Его привѣтствуешь, какъ старый другъ;
Предъ нимъ великодушно ты скрываешь
Язвительный, ужасный свой недугъ,
Который ревностью сжигаетъ кровь,
Воспоминаніемъ уничтожаетъ.
Да! тотъ недугъ — несчастная любовь!
Въ ея страданіяхъ все замираетъ!
Во глубинѣ души сокрыла ты
Свои мученія, свои стенанья;
Ты погребла безъ слезъ свои мечты
И радостенъ твой ликъ — въ немъ нѣтъ страданья.

Твоей печали люди не узнаютъ,
Тебя язвительно не осмѣютъ
И сердце состраданьемъ не ужалятъ,
И злой тебя насмѣшкой не убьютъ.
Ты затаила все въ душѣ глубоко;
Но я провидѣлъ все въ душѣ твоей.
Казнитъ, я знаю, рокъ тебя жестоко
И не далекъ конецъ печальныхъ дней.
Молись, страдай, еще молися снова,
Прощенье дай убійцѣ своему;
Награда, вѣрь, ужъ въ небесахъ готова —
Здѣсь кроткому терпѣнью твоему.

XXXVII.

(ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО).

Когда мнѣ говоришь о славѣ ты,
Я горькою улыбкой отвѣчаю:
Ея дары лишь призракъ и мечты.
Я думаю .... Нѣтъ! это вѣрно знаю,
Что невещественна, какъ тѣнь она;
Щадитъ ее лишь за могилой злоба;
Она всегда молвой награждена
Лишь за таинственною дверью гроба.

Зачѣмъ земное счастье отвергать,
Изъ призрака на вѣкъ съ нимъ разставаться?
На славу–ли, мой другъ, любовь мѣнять!
Лобзанья кликами не замѣнятся.
Мои блаженства: сладкій голосъ твой,
Твой поцалуй, улыбка неземная,

И садъ, — пріютъ уединенный мой,
Гдѣ розъ кусты цвѣтутъ, благоухая.
Судьба моя въ твоихъ рукахъ всегда;
Я не извѣдаю во вѣкъ страданья,
Лишь ты была–бъ со мной, моя звѣзда!
И чувствовалъ–бы я твое дыханье.
Пускай въ прекрасномъ зеркалѣ души, —
Въ очахъ твоихъ, міръ виденъ въ отраженьи,
Но мнѣ они тѣмъ чудно хороши,
Что въ нихъ любви читаю выраженье.
Пускай я–бъ пѣснями наполнилъ міръ
И осѣнилъ–бы лавръ главу младую,
Я отдалъ–бы его, о мой кумиръ!
За взоръ любви, за рѣчь твою живую.
Когда ты другъ поешь, — восторженъ я;
Ты улыбаешься, — я весь забвенье;
Въ объятіяхъ твоихъ не слышу я
Хвалы друзей и недруговъ хуленья.
Любовью очарованный твоей,
Я забываю міръ. Вотще передъ собою
Возвышенныхъ пѣвцовъ прошедшихъ дней
Въ мечтахъ видаю я; они толпою
Какъ будто–бы обстанутъ вкругъ меня
И шепчутъ мнѣ: « за чѣмъ безумно губишь
« Восторгъ души, исполненный огня,
« Для женщины? Къ чему ее такъ любишь?

«За чѣмъ на поцалуй ты промѣнялъ
«И гордый лавръ и свой талантъ высокой,
«И молодушно похвалы отдалъ?
«За что-жъ? — за ласки дѣвы черноокой?»

Но если-бы и заслужить я могъ
Названье громкое «поэтъ великій»,
Все цаловать слѣды твоихъ-бы ногъ
Отраднѣй было мнѣ, чѣмъ славы клики.
И такъ пускай-же я люблю тебя
Въ уединеніи самозабвенный.
И если часто, грустный даже, я
Къ тебѣ ласкаюся, другъ несравненный,
То средь тоски сильнѣй горитъ любовь
И ты улыбкой грусть мою разсѣешь;
Однимъ лишь словомъ дашь мнѣ счастье вновь
И взоромъ радость сердцу вновь навѣешь.

Я все, я все готовъ тебѣ отдать,
О гурія моя! о дѣва рая!
Лишь сердца не отдамъ, чтобъ обожать,
До гроба могъ тебя я, дорогая!

XXXVIII.

ВѢТКА.

Я вижу вѣтку молодую:
Она печальна и черна;
Не въ зелень свѣтлую, живую,
Но въ снѣгъ она облечена.
Убили вьюги и мятели;
И почки въ ней и жизни нѣтъ,
Давно всѣ листья облетѣли,
Погибъ ее раскошный цвѣтъ.
О ! какъ жестоко замираетъ,
Отъ холода зимой она !
И съ нетерпѣньемъ ожидаетъ,
Придетъ весна, придетъ весна !
Тронулись небеса моленьемъ
Ужъ таетъ снѣгъ, земля кругомъ
Веселымъ дышетъ пробужденьемъ
И не покрыты воды льдомъ.

И снова вѣтка оживилась
Раскошно зацвѣла она,
Листомъ зеленымъ опушилась
И какъ-бы радости полна.

О вѣтка, вѣтка молодая!
Тебѣ завидуетъ поэтъ;
Не радостна весна живая,
Тому, кто много прожилъ бѣдъ;
Но все-жъ когда среди томленья
Поэтъ бы женщину нашелъ,
Полну любви и вдохновенья,
И онъ душой, какъ ты-бъ разцвѣлъ.
И снова-бъ радость возвратилась,
И снова-бъ надъ его главой
Звѣзда блаженства засвѣтилась,
И онъ узналъ бы рай земной.

XXXIX.

EXTASE.

Когда ты со мною, другъ милый, сидишь
И взоръ твой любовью и страстью блистаетъ,
Ты молча, привѣтно мнѣ въ очи глядишь
И въ радости сердце мое замираетъ.

Когда ты мнѣ шепчешь «люблю» и краснѣешь,
И щечки зардятся зарей огневой,
Прижавшись ко мнѣ восторгомъ вся млѣешь, —
Одна мнѣ отрада въ юдоли земной.

И кровь запылаетъ чудеснымъ огнемъ,
Душа подъ лобзаньемъ томится.
За чѣмъ, о за чѣмъ мы тогда не умремъ!
Легко тогда съ жизнью намъ было-бъ проститься.

XL.

Pour que la goutte d'eau sorte de la poussière,
Et redevienne perle en sa splendeur première,
Il suffit, c'est ainsi que tout remonte au jour,
D'un rayon du soleil ou d'un rayon d'amour!

Victor Hugo.

Смѣшно!... кого люблю я — презираю;
Въ ней добродѣтели не чту святой.
Мнѣ стыдно; — да! но страстью къ ней сгараю
И ей лишь мысль моя и стихъ ей мой.
Вотще я побороть своимъ умомъ
Хочу мечты любви моей безумной
И въ осужденіи себя нѣмомъ
Убить порывъ сердечный, безразсудной.
И кто-жъ она? — Продажная цирцея,
Позоромъ оклейменная на вѣкъ!
Ее любить не смѣю, не краснѣя,
Но человѣкъ.... я слабъ, какъ человѣкъ!

Люблю, паденіемъ не осуждая;
Кто въ жизнь не падалъ никогда изъ насъ?
Мнѣ вѣрится, любовь моя живая
Пробудитъ совѣсти въ ней спящій глась.
Для грѣшника въ молитвѣ есть прощенье;
Раскаянье съ убійцы смоетъ кровь;
Недужному есть въ вѣрѣ изцѣленье,
И есть для падшей женщины любовь.
Любовь ее собою обновитъ,
Дастъ чистоту душевную ей снова,
Любовь ей добродѣтель замѣнитъ
И осѣнитъ ее прощенья слово.

XLI.

(ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО).

Когда я сплю, приди ко мнѣ
Я, какъ Петраркъ, горю любовью!
Почувствую тебя во снѣ
И залепечетъ о тебѣ,
Средь грезъ, языкъ безъ словъ.

Во снѣ мечты меня томятъ.
Ко мнѣ скорѣе къ изголовью
Склонись, мой другъ, и улетятъ
Мечты, и мнѣ ихъ замѣнятъ:
Толпы веселыхъ сновъ.

Скорѣе поцалуй меня
И сердце заиграетъ кровью;

И весь огнемъ вдругъ вспыхну я,
И если-бъ умеръ, — для тебя
Тогда-бы ожилъ вновь.

XLII.

Въ природѣ все глаголъ имѣетъ :
Намъ звѣзды свѣтомъ говорятъ,
И слышенъ вѣтръ, когда онъ вѣетъ,
И волны бурныя шумятъ ;
Языкъ цвѣтовъ — благоуханья.
И намъ развалины безъ словъ
Передаютъ свои преданья ,
Про жизнь, дѣянія отцовъ.
И въ этомъ говорѣ и пѣньи
Подслушать человѣкъ возмогъ
Одно святое выраженье :
«Есть въ вѣчномъ мірѣ — вѣчный Богъ. »

XLIII.

МОГИЛА И РОЗА.

(Изъ Виктора Гюго).

Однажды мрачная могила
Прекрасной розѣ говорила:
«Къ чему небесная роса
Тебя кропитъ своей слезою?»
И ей въ отвѣтъ цвѣтовъ краса:
«Скажи за чѣмъ своей землею
Ты поглащаешь каждый часъ
И жизнь и счастья упованья?
О! ты страшна для смертныхъ глазъ!
А мнѣ-жъ роса для благоуханья
Дана; и Богу ѳиміамъ,
Я ароматный возсылаю;
Тотъ даръ пріятенъ небесамъ,
Я чувствую, — я это знаю.»

Могила розѣ отвѣчаетъ:
«Мои дары твоихъ чистѣй:
Могила Богу посылаетъ,
Что есть святаго у людей; —
Я небу ангеловъ дарую,
Себѣ-жъ беру лишь персть земную.»

XLIV.

СПУТНИЦѢ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Люблю тебя на шумномъ балѣ,
Когда, въ брильянтахъ и цвѣтахъ,
Владычествуя въ душной залѣ,
Съ улыбкой гордой на устахъ,
Привѣтъ изъ милости даруешь
Поклонникамъ своей красы;
И ты воистинну чаруешь
Всѣхъ въ эти пирные часы.

Люблю тебя въ семейномъ кругѣ,
Когда, не думая блистать,
Ты только думаешь о другѣ, —
Супруга нѣжная и мать!
Свое вниманье, попеченье,
Ты расточаешь щедро намъ

И вся полна благодаренья
Подъемлешь очи къ небесамъ.

Люблю тебя я на моленьи,
Когда отвергнувъ міръ заботъ,
Душа твоя въ уединеньи
Къ Творцу съ слезой молитву шлетъ.
Хранитель Ангелъ твой слетаетъ
Съ небесъ тебя подъ кровъ принять
И невидимо покрываетъ
Тебя святая благодать.

XLV.

СТАРЫЙ КОНЬ.

Ты устарѣлъ, мой конь лихой!
Огонь и крѣпость силъ пропали;
А помнишь–ли, какъ мы съ тобой
Въ былые годы гарцовали?
То плавной рысью, то въ галопъ
Тебя пускалъ я передъ нею;
И твой красивъ былъ легкій скокъ,
И гордо изгибалъ ты шею.
Какъ часто я обязанъ былъ
Тебѣ за взоръ ее летучій,
И я ласкалъ тебя, любилъ,
Мой добрый конь, мой конь могучій!
Разъ, помню я, скакали мы
Въ степи широкой; вечерѣло;
Ложились тѣни на холмы;
Заря вечерняя алѣла; —

И вдругъ огонь вдали блеститъ, —
То знакъ условнаго свиданья!
Все тихо; топотъ лишь копытъ,
Да вдаль коня несется ржанье;
И ею тотъ услышанъ звукъ.....
Тихонько двери отворились....
О сколько счастья, сколько мукъ
Въ минутѣ той соединились!...
Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много дней,
Извѣдалъ много я печали:
Ужъ нѣтъ красавицы моей,
И слезы грусти сердце сжали.
Съ тѣхъ поръ покойно конь лихой
Одинъ старѣетъ въ грустной долѣ
И ждетъ: когда-то въ путь ночной
Съ нимъ понесусь чрезъ степь и поле.

XLVI.

НАПОЛЕОНЪ.

(Е. А. Бенедиктовой).

Dieu garde la durée et vous laisse l'espace;
Vous pouvez sur la terre avoir toute la place,
Être aussi grand qu'un front peut l'être sous le ciel;
Sire, vous pouvez prendre, à votre fantaisie,
L'Europe à Charlamagne, à Mahomet l'Asie; —
Mais tu ne prendras pas demain à l'Eternel!

Victor Hugo.

I.

Весь возмущеньемъ міръ кипѣлъ,
Всѣ волновались, трепетали;
Свободы духъ въ душахъ горѣлъ,
Народы, царства бунтовали.

Была пора волненій и тревогъ,
Забыты всѣ права, забытъ и Богъ.

Во Франціи хаосъ ужасный! —
Тамъ пала церковь, палъ олтарь;
Свой крестъ съ терпѣньемъ снесъ несчастный,
Вѣнчанный мученикъ — ихъ Царь.
Безумцы клятвою своей играли,
Законы, стыдъ и вѣру — все попрали.

За кровь, за злобу, за коварство
Насталъ вѣкъ ужаса у нихъ
И палачей настало царство,
Въ крови духъ вольности затихъ.
Губили Францію война и гладъ;
Самъ Богъ наказывалъ преступныхъ чадъ.

Но вотъ явился человѣкъ
Средь стона, смерти и мученій.
Главой предъ нимъ склонился вѣкъ:
Его великъ былъ мощный геній.
Даетъ ему сама свобода тронъ;
Европой властвуетъ Наполеонъ.

II.

«Мнѣ цѣлый міръ! онъ возклицаетъ.
«Звѣзда судьбы моей горитъ;
«Мой гласъ — короны потрясаетъ,
«Мой мечъ — надъ скиптрами блеститъ!
«Смирися гордый Албіонъ!
«Взгляни! — Германія смирилась.
«Монхъ Римъ слышалъ пушекъ стонъ;
«Италія мнѣ покорилась,
«И Австрія мнѣ отдала
«Монарха дочь и три Державы; —
«И сто побѣдъ вокругъ чела
«Сплелись въ вѣнокъ безсмертной славы!
Но указалъ на Сѣверъ Альбіонъ:
Свободна Руссь! — Смирись Наполеонъ!...

III.

За Нѣманомъ сверкаетъ лѣсъ штыковъ,
На Русь полки Европа собирала.
Тамъ двадцати смѣшенье языковъ.
Молилась Руссь, — но Руссь не трепетала.

Какъ море бурное въ приливъ,
На Сѣверъ хлынули народы;
Россіи край изпепеливъ,
Текутъ лишить ее свободы.
Уже горитъ Москва святая.....
Россіи быть или не быть?
Своею–ль жизнію ей жить;
Иль покориться, умирая?
Но Русь, по манію Царя
Одушевляясь древней славой
И вѣрою святой горя,
Съ врагомъ вступаетъ въ бой кровавой.
Съ ней Богъ! врагу грозою грянулъ Онъ:
Бѣжитъ съ отчаяньемъ Наполеонъ!

IV.

О! кто бы разсказалъ велнкаго мученья!
Покрылося стыдомъ чело его.
Французскаго орла онъ зрѣлъ уничиженье.
Несчастіе надежды унесло.

Текутъ къ Предвѣчному молитвы,
Союзникъ рабъ оковы рветъ.

Самъ Францъ (*) забытый мечъ беретъ,
И Лейпцигскій насталъ часъ битвы.
Часъ роковой, ужасный часъ!
Вотще великаго боренье:
Послѣдній славы лучъ погасъ!
Рекла ему судьба паденье!...
Торжественный въ Москвѣ роздался звонъ;
Надъ Эльстеромъ сраженъ Наполеонъ.

V.

Цари на Западъ потекли,
Остался Рейнъ сѣдой за ними,
Они съ дружинами своими
Столицу міра облегли.
И побѣдителей встрѣчаетъ
Радушно вѣтренный народъ;
Великаго позабываетъ,
Бурбоновъ славитъ древній родъ!
Свершилось все, — ужъ стопобѣдный
Отрекся трона наконецъ
И сынъ судьбы, побѣдъ отецъ —
Владѣтель только Эльбы бѣдной.

(*) Императоръ Австрійскій.

Свершилось все ! . . Да здраствуетъ Бурбонъ !
За чѣмъ не умеръ ты Наполеонъ ?

VI.

Нѣтъ ! жизнь свою онъ сохранилъ для мщенья, —
Для мщенія онъ вновь возсѣлъ на тронъ.
Сто дней ! сто дней въ вѣкахъ одно мгновенье,
Но во сто дней торжествъ онъ слышелъ звонъ ;
Игралъ судьбою царствъ, страшилъ народы.
О ! во сто дней какъ много прожилъ онъ !
Но Ватерло ! . . послѣдній лучъ свободы
Блеснувъ, погасъ ! . . въ плѣну Наполеонъ . . . . .

VII.

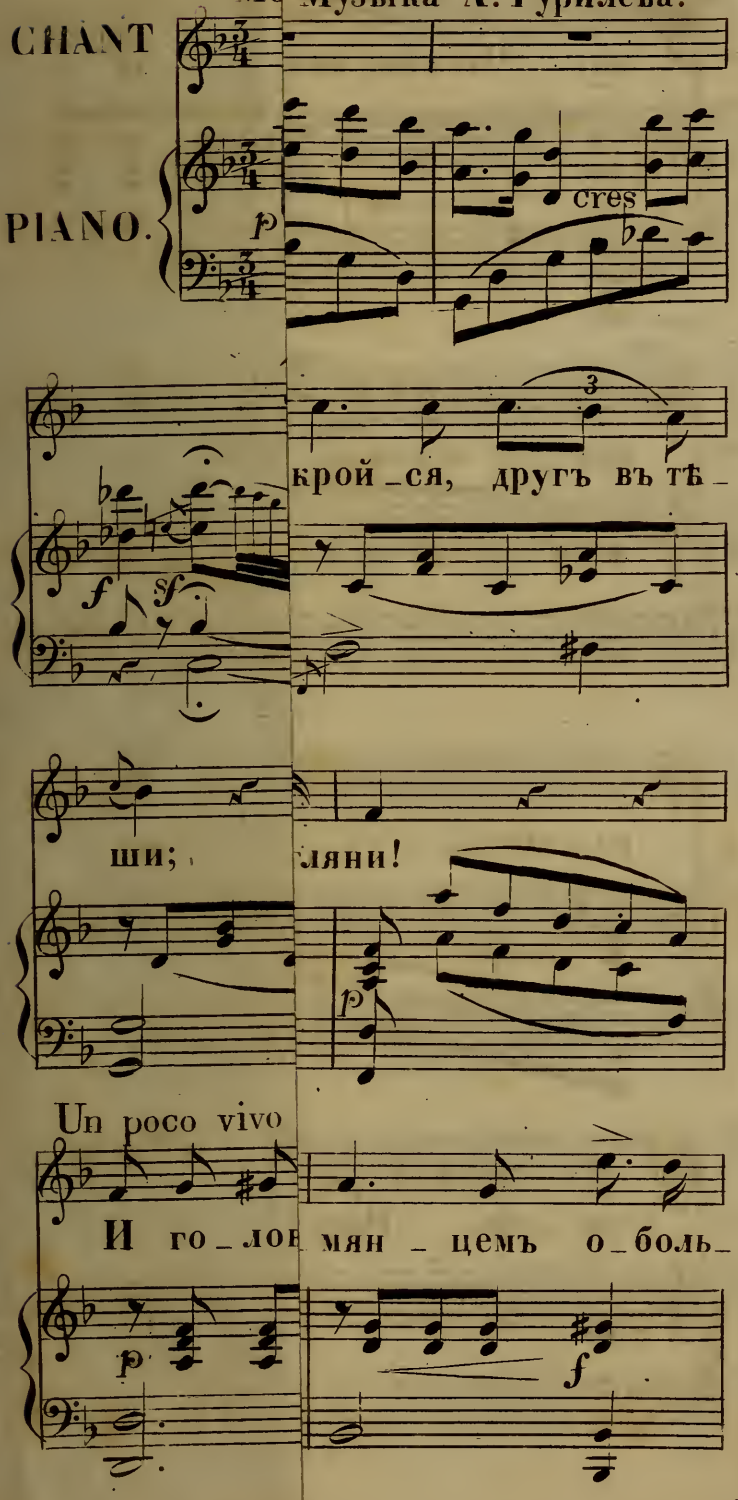
Тамъ, гдѣ море широко
Въ даль безбрежную катится,
Островъ есть ; онъ далеко
Отъ земли ; на немъ томится,
Будто въ клѣткѣ царь звѣрей,
Вождь великій, царь вселенной ;
Но не много скорбныхъ дней
Прогруститъ властитель плѣнный.

Угасъ! Не слышенъ былъ надъ прахомъ стонъ.
Угасъ, какъ рабъ, въ плѣну Наполеонъ.

Тебя ужъ нѣтъ, владыка гордый!
Но вся вселенная полна тобой!
И имя чтутъ твое народы,
И дивенъ имъ завидный жребій твой!

КОНЕЦЪ.

Мо Музыка А. Гурилева.



СОЛНЦЕ И РОЗА

Moderato

Музыка А. Гурилева.

CHANT

PIANO.

Я люблю те_бя, пре_крас_на_я! О! не крой_ся, другъ въ тѣ_

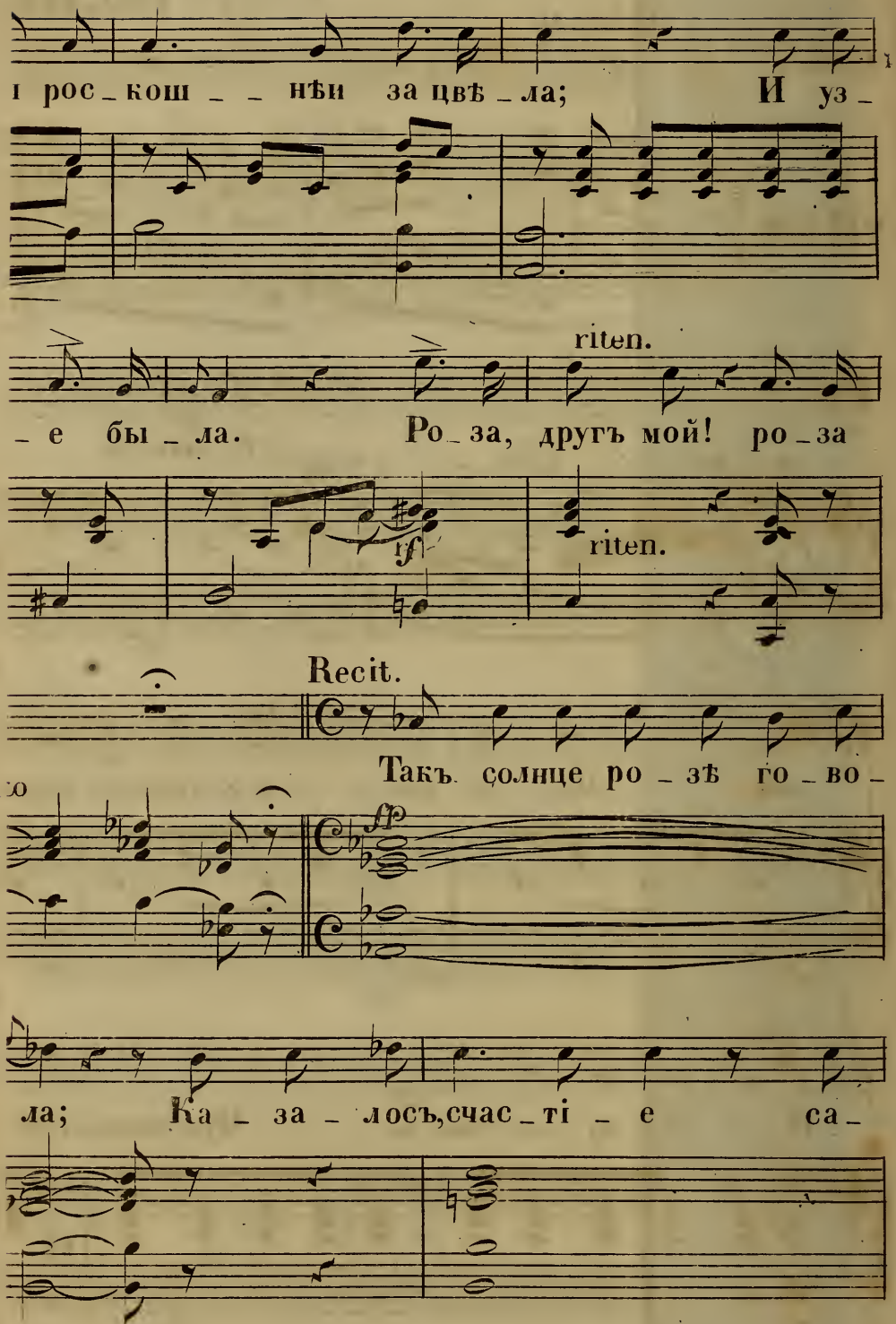
lento a tempo

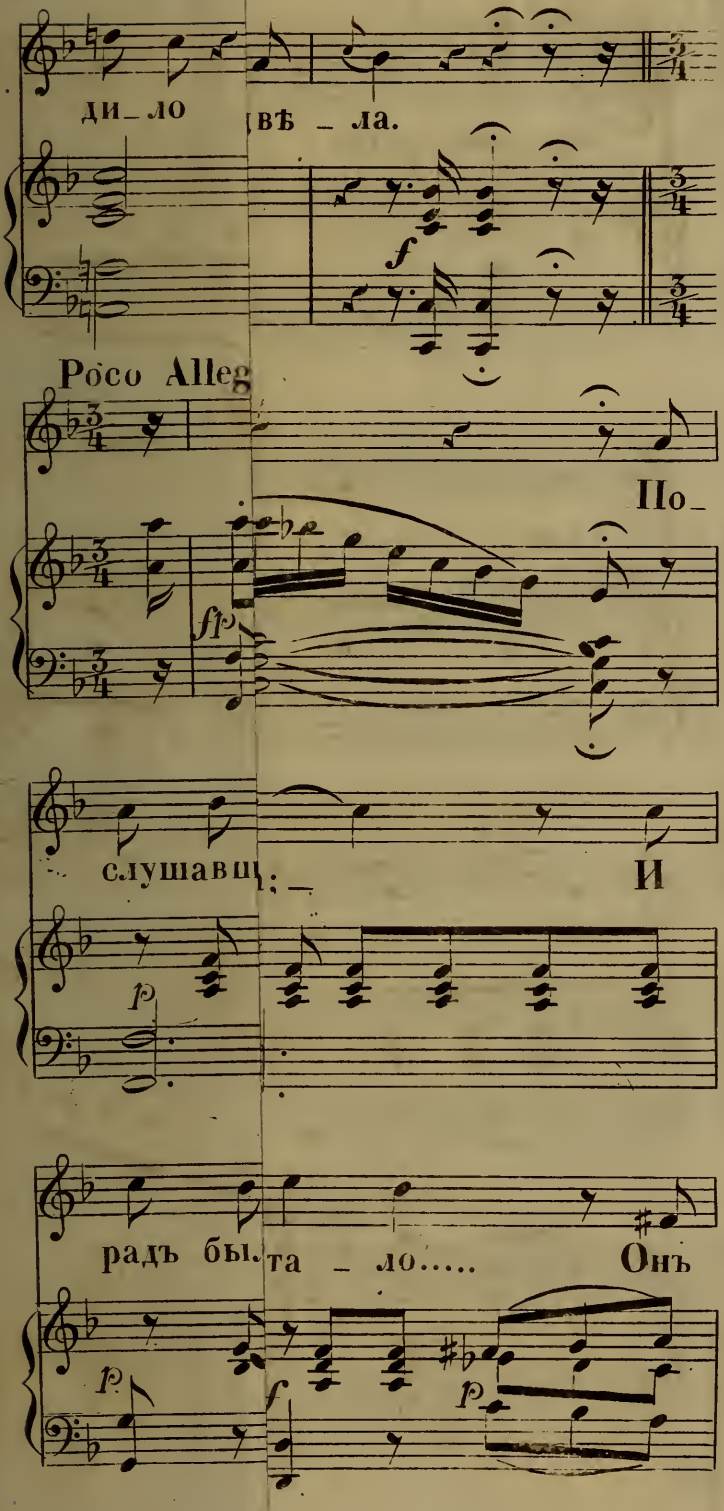
шн; На ме_ня съ у_лыбкой страстно_ю, Милый другъ, ско_рѣй взгляни!

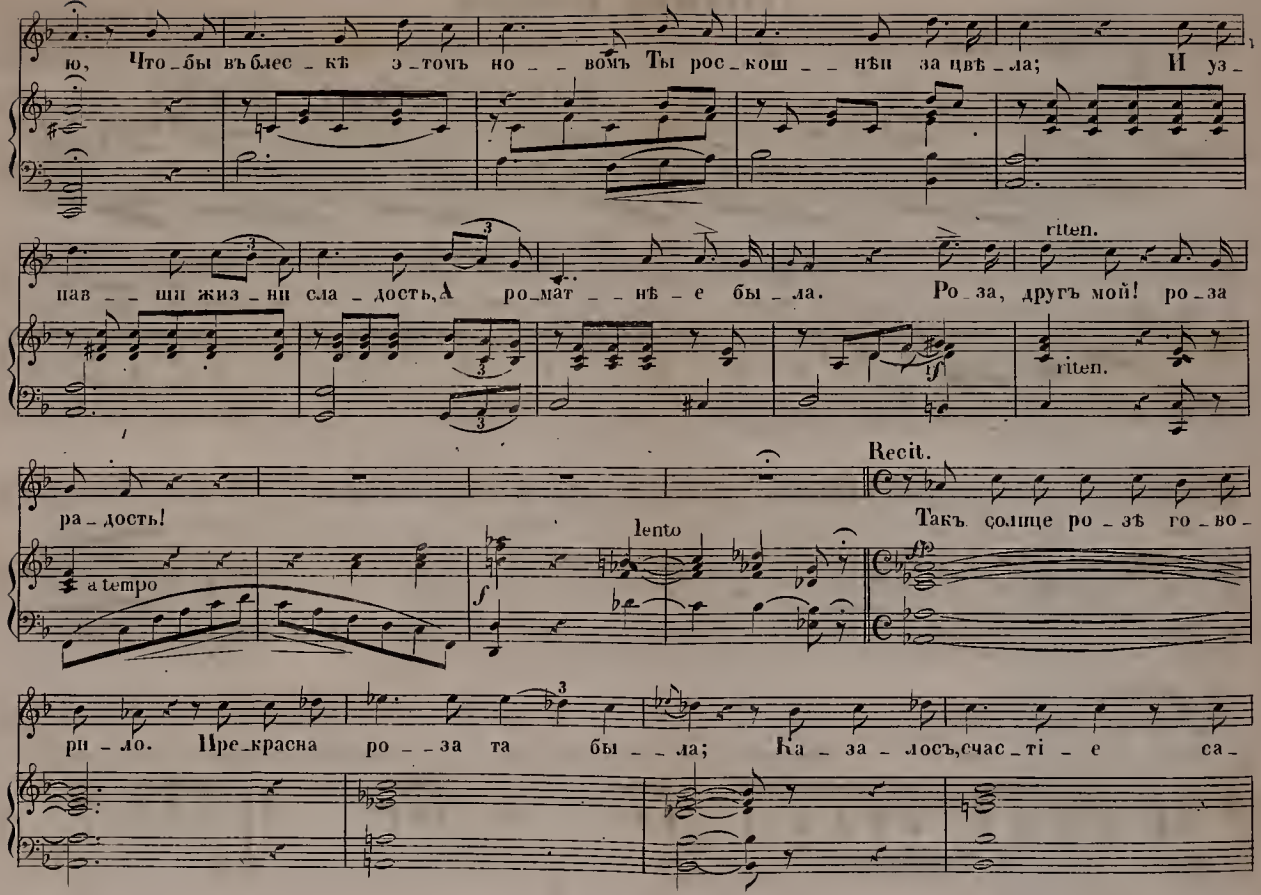
Un poco vivo

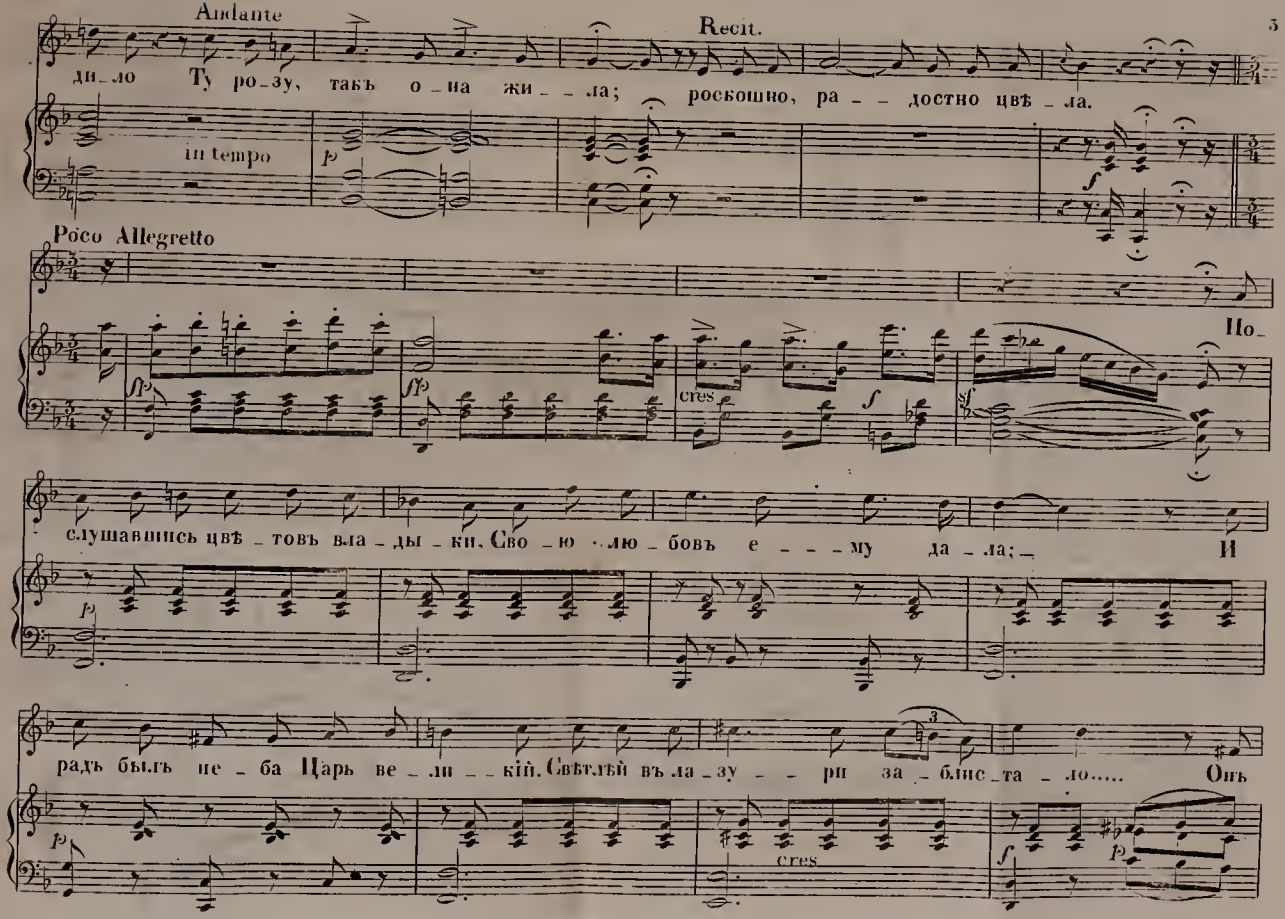
И го_лов_ку я тво_ю Чуд_нымъ, свѣт_лымъ, пур_пу_ро_вымъ Вновь ру_мян_цемъ о_боль_

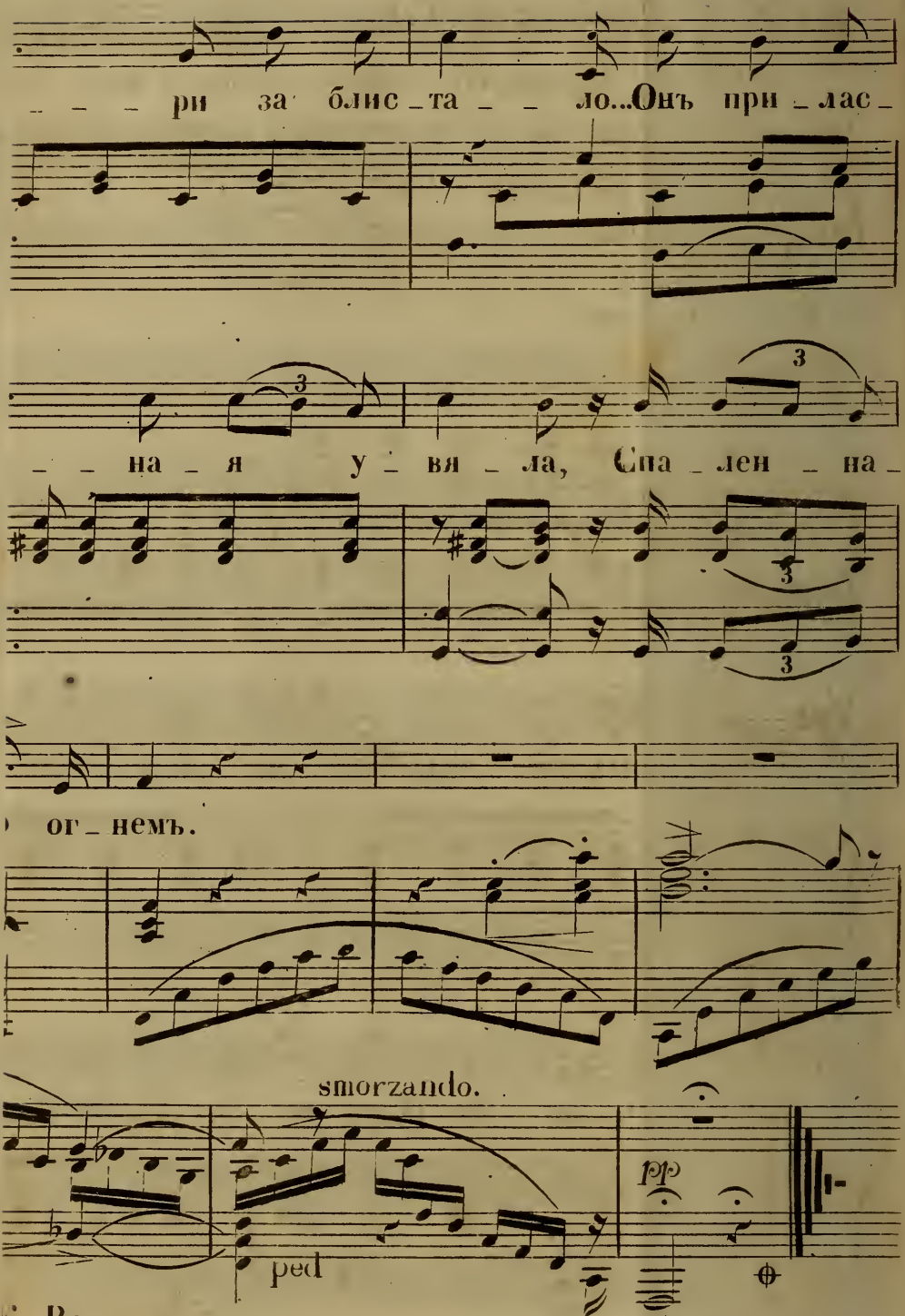
cres


і рос_кош__нѣи за цвѣ_ла; И уз_
riten.
_е бы_ла. Ро_за, другъ мой! ро_за
if
riten.
Recit.
Такъ солнце ро_зѣ го_во_
ла; Ка_за_лосъ,счас_ті_е са_

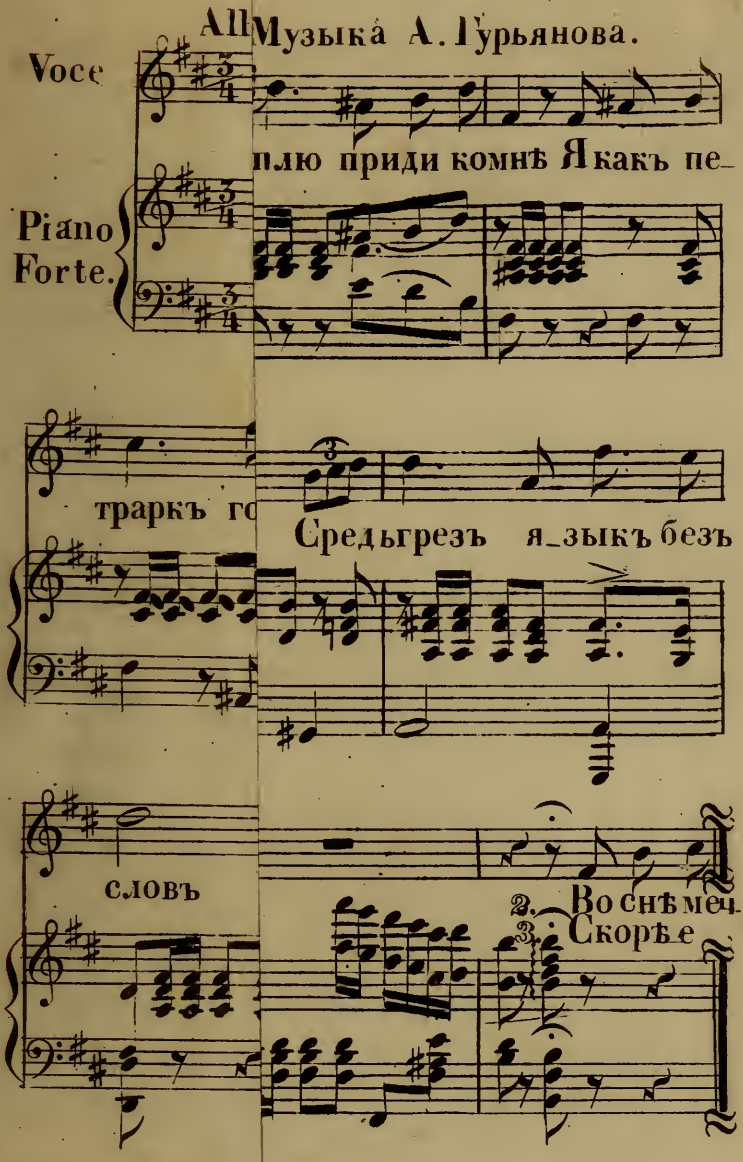

ди_ло
вѣ _ ла.
Poco Alleg
По_
слушавш
И
радъ бы
та _ ло.....
Онъ


ю, Что-бы въ блес-кѣ э-томъ но-вомъ Ты рос-кош-нѣи за цвѣ-ла; И уз-
пав-ши жиз-ни сла-дость, А ро-мат-нѣ-е бы-ла. Ро-за, другъ мой! ро-за
riten.
riten.
ра-дость!
Recit.
Такъ солнце ро-зѣ го-во-
a tempo
lento
ри-ло. Пре-красна ро-за та бы-ла; Ка-за-лось, счас-ті-е са-

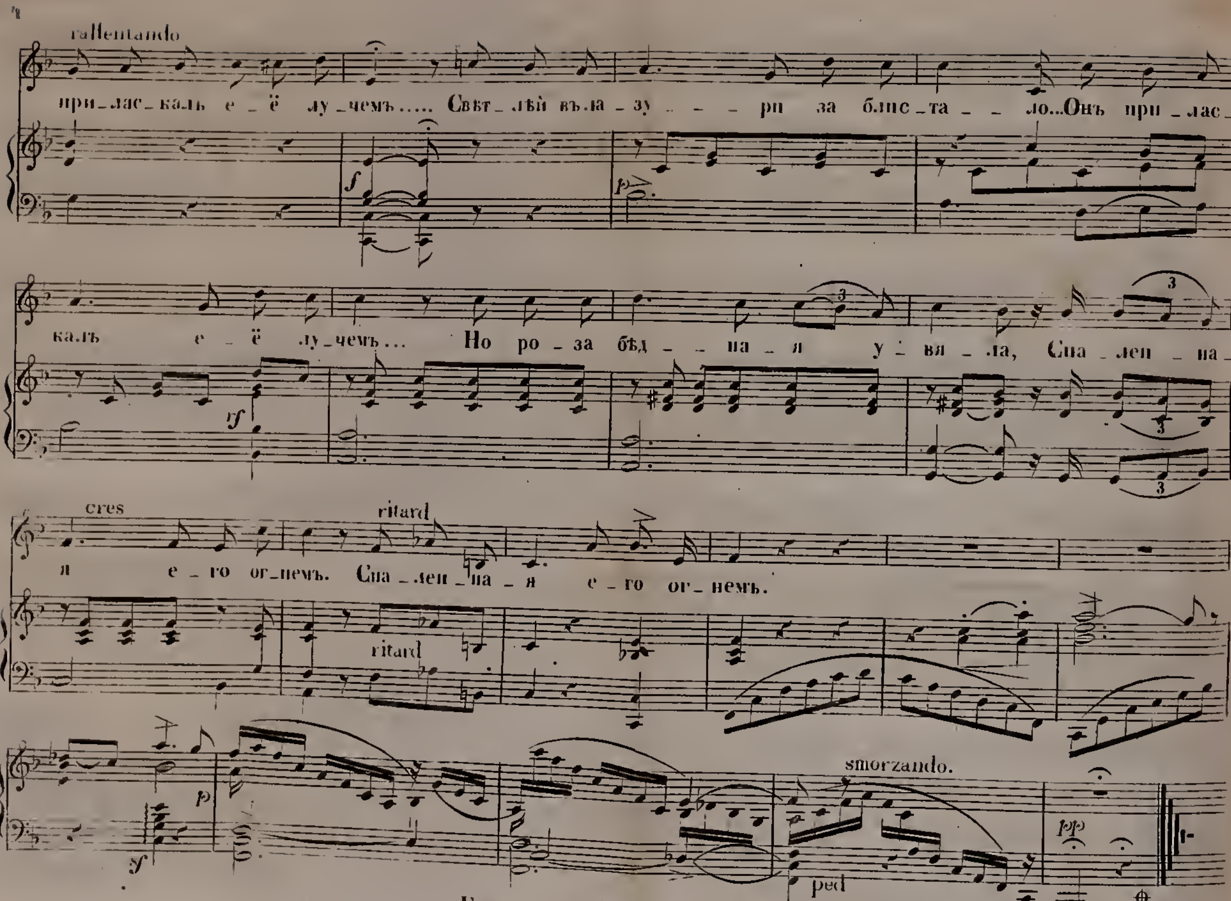

Andante
Recit.
ди_ло Ту ро_зу, табъ о_на жи_ла; роскошно, ра_достно цвѣ_ла.
in tempo
Poco Allegretto
Но_
cres
слушавшись цвѣ_товъ вла_ды_ки, Сво_ю лю_бовь е_му да_ла; И
радъ былъ не_ба Царь ве_ли_кій, Свѣтлѣй въ лазу_ри за_блис_та_ло..... Онъ
cres


ри за блис_та_ло...Онъ при_лас_
3
3
на_я у_вя_ла, Спа_лен_на_
3
3
ог_немъ.
smorzando.
pp
ped

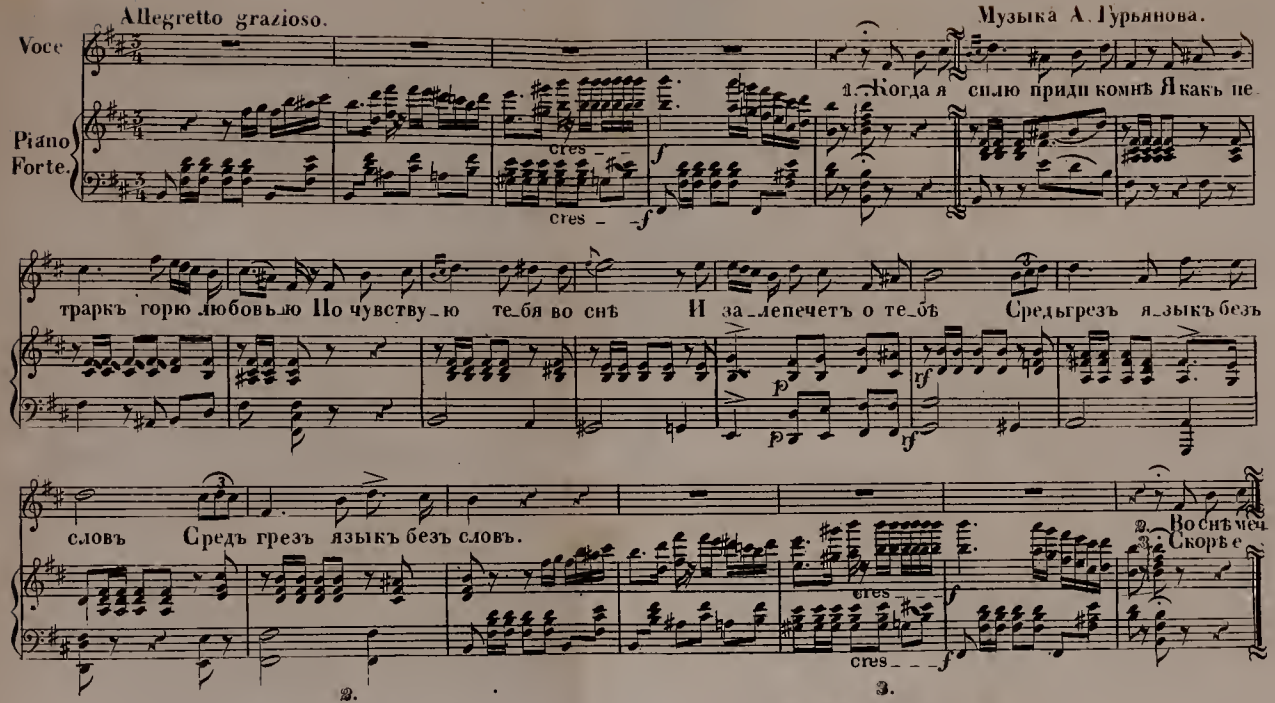
К. Венцеля.



овью,
вспыхну я,
ебя
овь.



Грав. и печат. у К. Венцеля.



2.

Во снѣ мечты меня томятъ;
Ко мнѣ скорѣе къ изголовью
Склонись мой другъ и улетятъ
Мечты, и мня ихъ замѣнятъ
Толпы веселыхъ сновъ.

3.

Скорѣе поцалуй меня,
И сердце заиграетъ кровью,
И весь огнемъ вдругъ вспыхну я,
И еслибъ умеръ, для тебя
Тогда бы ожилъ вновь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
	Вступленіе.	5
I.	Часъ суда.	7
II.	*Видалалъ звѣзды ты, какъ на небѣ блистаютъ.*	11
III.	Какъ это знать	12
IV.	Я не хотѣлъ бы лавромъ увѣнчаться.	14
V.	Солнце и роза.	15
VI.	Вечернее моленье	17
VII.	*Звонко трелитъ жаворонокъ*	20
VIII.	Паденіе звѣзды	22
IX.	Три клада.	23
X.	Несравненная	26
XI.	Сонетъ	28
XII.	Два вечера	29
XIII.	Къ В. В. и К. Ч	31
XIV.	Къ . . . . вой.	33
XV.	*Когда склонясь ко мнѣ челомъ.* (Изъ Виктора Гюго)	34
XVI.	*Мнѣ говорятъ она прекрасна.*	36
XVII.	Молись !	38
XVIII.	Послѣдній цвѣтокъ.	39
XIX.	*Вокругъ слова веселья раздавались*	40
XX.	Пріѣздъ.	42
XXI.	Къ. . . . . ой.	44

Стран.

XXII. *Какъ часто, часто сердце бьется* 46

XXIII. Къ черному локону 47

XXIV. Эпиграммы 49

XXV. Портретная галлерея 52

XXVI. Предчувствіе зимы 58

XXVII. Къ Алинѣ 60

XXVIII. Осенній вечеръ 63

XXIX. Очи (романсъ) 65

XXX. Музыка во снѣ 67

XXXI. Воспоминанія 69

XXXII. Тщетное ожиданіе 70

XXXIII. Импровизаторъ (Сонетъ) 72

XXXIV. Къ П 74

XXXV. Къ Е: А: Бенедиктовой 76

XXXVI. Къ Е. С. Г—дъ 79

XXXVII. *Когда мнѣ говоришь о славѣ ты.* (Изъ Виктора Гюго) 81

XXXVIII. Вѣтка 84

XXXIX. Extase 86

XL. *Слѣпо! кого люблю я — презираю* 87

XLI. *Когда я тихо сплю приди ко мнѣ.* (Изъ Виктора Гюго) 89

XLII. *Въ природѣ все глаголъ имѣетъ* 91

XLIII. Могила и роза. (Изъ Виктора Гюго) 92

XLIV. Спутницѣ моей жизни 94

XLV. Старый конь 96

XLVI. Наполеонъ 98

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	НАПЕЧАТАНО :	ЧИТАЙ :
15	15	раскошнѣй	роскошнѣй
31	5	Я сердце должно утишать.	Я сердце долженъ утишать.
32	3	И кромѣ Бога	Акромѣ Бога

При сей книжкѣ прилагается двое нотъ для пѣнія.

1. **ГУРЬЯНОВА:** Солнце и Роза.

2. **ГУРЬЯНОВА:** *Когда я сплю приди ко мнѣ.*

C 219 89

THE LIBRARY OF CONGRESS

HECKMAN
BINDERY INC.
AUG 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS
00025325175